

Александр Восьмой

**Комедия: Посол с Земли
(Даффи Толстяк)**

Александр Восьмой

**Комедия: Посол с
Земли (Даффи Толстяк)**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Комедия: Посол с Земли (Даффи Толстяк) / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Посол Земли: дипломат, который всё перепутал. Землянин пытается вести переговоры с инопланетянами, но каждый раз говорит не то и случайно заключает странные союзы. Атмосфера межзвёздной дипломатии, юмор — в культурных недоразумениях.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Комедия: Посол с Земли (Даффи Толстяк)

Глава 1. «Торжественный выход: когда протокол — это ловушка»

Зал Межзвёздного Совета напоминал гигантский кристалл, выросший из тьмы космоса: прозрачные грани преломляли свет далёких звёзд, и казалось, будто сам воздух здесь соткан из шёпота веков и тяжести тысячелетних договорённостей. Ряды делегатов застыли в безупречной неподвижности — словно статуи, вырезанные из камня, льда и чего-то, что землянину и распознать было не под силу. В воздухе витал терпкий аромат благовоний, от которого у посла слегка кружилась голова, а в груди нарастало то самое чувство, которое он привык называть «предстартовым мандражом».

Посол Земли Игорь Волков стоял за кулисами, сжимая в руках папку с речью, которую репетировал три недели подряд. Он улыбался. Широко, искренне, по-земному радостно — так, как улыбаются, когда верят, что доброта и открытость способны растопить любые границы.

«Улыбка универсальна, — твердил он себе, как мантру. — Это язык, который понимают все».

Он сделал шаг на сцену. Ещё один. И вот он — момент истины: трибуна, зал, сотни глаз, устремлённых на него. Игорь расправил плечи, вдохнул поглубже и... улыбнулся ещё шире.

В зале что-то щёлкнуло. Где-то в задних рядах раздался тихий, но отчётливый скрежет — будто кто-то очень медленно провёл когтем по стеклу. Делегат расы Ксилон, сидевший в первом ряду, едва заметно напрягся. Его чешуйчатые веки дрогнули, а тонкие пальцы впились в подлокотники кресла.

Игорь этого не заметил. Он был слишком занят тем, чтобы выглядеть уверенно.

«Ну же, — подумал он. — Сейчас я пожму руку старейшине, скажу пару тёплых слов, и лёд будет сломан».

Старейшина Ксилон смотрел на него не мигая. В его взгляде читалось нечто среднее между изумлением и ужасом.

Игорь протянул руку.

Тишина в зале стала оглушительной. Она была такой плотной, что, казалось, её можно было потрогать — и она бы отозвалась звоном.

Кто-то тихо ахнул. Кто-то прошипел что-то на незнакомом языке. А старейшина Ксилон медленно приподнял бровь — если у существ его расы вообще были брови.

Но Игорь уже не мог остановиться. Инерция момента толкала его вперёд, как волна толкает лодку. Он сделал ещё полшага, и папка с документами выскользнула из его пальцев.

Она упала. Прямо на священный коврик — тот самый, по которому, как ему позже расскажут, за последние пятьсот лет не ступала ни одна нога, не считая ритуальных шагов верховных жрецов. Папка приземлилась с глухим, почти интимным шлепком, нарушившим священную тишину зала.

Наступила пауза. Та самая, после которой обычно либо объявляют войну, либо устраивают овацию. Но в этот раз не случилось ни того, ни другого.

Старейшина Ксилон моргнул. Один раз. Потом ещё. И вдруг, к изумлению всех присутствующих, из его горла вырвался звук, подозрительно похожий на сдержанный смешок.

— Он... он не знал, — прошептал кто-то в зале.

— Он действительно не знал, — подтвердил другой голос, чуть громче.

Переводчик, стоявший рядом с Игорем, наклонился к нему и прошептал так тихо, что слышал только посол:

— Сэр, у расы Ксилон широкая улыбка — признак агрессии. Протянутая рука — личное оскорбление. А падение документов на священный коврик... ну, скажем так, это считается дурным предзнаменованием.

Игорь сглотнул. Улыбка медленно сползла с его лица, сменившись выражением, которое можно было описать как «я сейчас исчезну, если очень сильно захочу».

— Простите, — пробормотал он, глядя куда-то в сторону, лишь бы не на старейшину. — Я... я не хотел. Я просто хотел сказать «привет».

Старейшина Ксилон снова моргнул. Потом медленно наклонил голову — настолько медленно, что этот жест мог означать всё что угодно: от «я тебя прощаю» до «я обдумываю, как лучше тебя казнить».

А потом он заговорил. Его голос, усиленный акустикой зала, прозвучал неожиданно мягко:

— Мы слышали о вашей планете. О том, что вы называете искренность силой. Возможно... возможно, нам стоит посмотреть на это иначе.

В зале снова воцарилась тишина. Но теперь в ней не было напряжения — скорее, лёгкое любопытство, смешанное с изумлением.

Переводчик перевёл, и Игорь почувствовал, как по спине пробежал холодок — но уже не от страха, а от чего-то похожего на надежду.

«Может быть, — подумал он, — иногда самое большое дипломатическое достижение — это просто не притворяться тем, кем ты не являешься».

Он ещё раз посмотрел на папку, лежавшую на священном коврике, и тихо вздохнул.

— Я подниму, — сказал он, делая осторожный шаг вперёд.

— Не надо, — остановил его старейшина Ксилон жестом, который, как позже выяснится, означал «пусть останется как знак». — Пусть лежит. Как напоминание.

И тогда Игорь понял: его первый дипломатический шаг, каким бы неуклюжим он ни был, уже стал частью истории. И, возможно, именно эта неловкость станет тем самым мостом, который соединит Землю с остальной Галактикой.

Глава 2. «Язык жестов: как случайно объявить войну и помириться за пять секунд»

После вчерашнего провала Игорь Волков проснулся с твёрдым намерением: сегодня он не произнесёт ни слова. Ни одного. Пусть говорят переводчики, пусть говорят протоколы, пусть говорит сама Вселенная — он будет только кивать. Кивать, улыбаться (уже не так широко) и делать нейтральные, безобидные жесты.

«Нейтральные жесты, — повторял он про себя, застёгивая парадный мундир. — Развёл руки — значит, „я открыт“. Кивок — „я слушаю“. Палец вверх — „всё отлично“. Это же универсально!»

Он даже записал эти три пункта на внутренней стороне манжеты, чтобы не забыть.

Зал Межзвёздного Совета сегодня выглядел иначе. Вчера он казался величественным и холодным, а сегодня — подозрительно внимательным, будто сам воздух был настроен подслушивать любые оплошности. Делегаты сидели ровнее, чем вчера, взгляды были острее, а тишина — напряжённее.

Игорь вышел к трибуне, глубоко вдохнул и... замер.

Он не собирался ничего говорить. Только кивать.

Первым делом он кивнул старейшине Ксилон — медленно, уважительно, как кивают, когда хотят показать: «Я всё понял, я спокоен, я здесь ради диалога».

Старейшина Ксилон моргнул. Один раз. Потом ещё. А потом его чешуйчатые пальцы медленно легли на рукоять ритуального клинка, висевшего у пояса.

Переводчик, стоявший рядом с Игорем, тихо охнул и тут же прикрыл рот ладонью, будто это могло скрыть звук.

— Сэр, — прошептал он, наклоняясь к Игорю так близко, что почти коснулся его плеча. — У расы Ксилон кивок — это не «я согласен». Это «я принимаю твой вызов». Формальное согласие на дуэль.

Игорь почувствовал, как по спине пробежал ледяной ручеёк.

— Дуэль?! — прошипел он одними губами.

— Да. Ритуальная. Без крови. Но с большим количеством символических жестов, которые вы, скорее всего, снова истолкуете неправильно.

Игорь судорожно сглотнул и поспешно замотал головой — чтобы отменить кивок.

Делегат расы Зург, сидевший по соседству, внезапно выпрямился, его фасетчатые глаза расширились, а из груди вырвался короткий, пронзительный звук, похожий на трель.

Переводчик снова наклонился:

— У Зургов быстрое покачивание головой — это предложение вступить в союз... ну, скажем так, очень личного характера. Брачный союз.

— Что?! — Игорь едва не подпрыгнул, но сдержался, вцепившись пальцами в край трибуны.

— Они думают, что вы только что сделали предложение их старейшине.

В зале повисла тишина, в которой можно было услышать, как где-то в углу шуршит межзвёздный мотылёк. Старейшина Зург смотрел на Игоря с выражением, которое можно было трактовать как «я польщён, но удивлён» или «я сейчас вызову охрану».

Игорь понял: надо срочно всё исправить. Он развёл руки в стороны — широким, успокаивающим жестом: «Ребята, я ничего такого не имел в виду, давайте все просто выдохнем».

Делегат расы Флок, существо, напоминавшее полупрозрачный шар с мерцающими нитями внутри, вдруг начал пульсировать мягким золотистым светом. Его голос, прозвучавший через универсальный транслятор, был неожиданно торжественным:

— Мы принимаем ваше приглашение на праздничный пир! Наш шеф-повар уже готовит блюдо из звёздной пыли и лунного мёда!

Переводчик закрыл лицо ладонью.

— У Флоков разведение рук — это официальный запрос на банкет. И не просто на обед, а на торжественный приём с ритуальными тостами.

— Я не приглашал их на банкет! — прошептал Игорь, чувствуя, как реальность ускользает от него, словно скользкий угорь.

— Но теперь вы пригласили. И отказаться нельзя — это будет оскорблением.

Игорь в отчаянии поднял большой палец вверх — жест, который на Земле означал «всё под контролем».

В зале что-то щёлкнуло. Где-то в задних рядах раздался тихий, но отчётливый вздох.

Переводчик посмотрел на него с выражением человека, который уже мысленно пишет рапорт об отставке.

— У расы Вригг поднятый большой палец — это сигнал к началу военных действий. Типа «пора действовать». Они сейчас думают, что вы отдали приказ о мобилизации.

Игорь опустил руку так резко, будто она внезапно стала раскалённой.

— Так, стоп, — пробормотал он, оглядываясь по сторонам, будто искал выход, который сам же и закрыл. — Я ничего не объявлял. Ни дуэли, ни брака, ни банкета, ни войны. Я просто... пытался быть дружелюбным.

Старейшина Ксилон медленно поднялся со своего места. Зал замер. Даже воздух, казалось, перестал шевелиться.

Он сделал шаг вперёд, потом ещё один. Подошёл к трибуне и остановился прямо перед Игорем.

А потом... улыбнулся. Если у Ксилон вообще бывает улыбка — это был именно тот жест, который можно было принять за неё: лёгкая складка у глаз, едва заметное расслабление плеч.

— Вы очень... энергичны, — произнёс он, и его голос прозвучал неожиданно мягко. — Мы не привыкли к такой интенсивности жестов. Но, возможно, в этом есть своя прелесть.

Переводчик перевёл, и Игорь почувствовал, как напряжение, сковывавшее его грудь, чуть-чуть ослабло.

— Спасибо, — пробормотал он. — Я просто хотел сказать «привет».

Старейшина Ксилон кивнул — на этот раз медленно, почти осторожно.

— Тогда давайте начнём сначала. Без жестов. Пусть говорят слова.

И тут Игорь понял: возможно, именно в этом и заключается настоящая дипломатия — не в том, чтобы всё делать правильно, а в том, чтобы уметь признать, что ты всё делаешь неправильно, и всё равно попытаться найти общий язык.

Он посмотрел на переводчика, на старейшин, на мерцающие нити расы Флок, на фасетчатые глаза Зург — и тихо, но твёрдо произнёс:

— Давайте. Только... никаких жестов. Обещаю.

В зале прокатился тихий, сдержанный смех — не насмешливый, а скорее облегчённый. И впервые за эти два дня Игорь почувствовал: может быть, у него всё-таки получится.

Глава 3. «Обед по-межзвёздному: дипломатия на грани пищевого отравления»

Банкетный зал Совета переливался всеми оттенками сумерек: стены мерцали, будто сотканые из ночного неба, а столы были накрыты так, словно кто-то решил собрать кулинарную карту всей Галактики и выложить её прямо на скатерти. Тонкие хрустальные чаши, сияющие кубки, блюда, от вида которых у обычного человека волосы встали бы дыбом ещё до первого укуса... Игорь смотрел на всё это с восхищением и лёгким ужасом — как на музейный экспонат, который почему-то подали к столу.

Он сидел во главе стола, рядом — переводчик, который сегодня выглядел так, будто заранее готовился к худшему. На его лице застыло выражение человека, который знает, что сейчас произойдёт катастрофа, но обязан оставаться вежливым.

— Сэр, — прошептал он, наклоняясь к Игорю. — Пожалуйста, не ешьте ничего, пока я не скажу, что можно.

— А если спросят, почему я ничего не ем? — так же тихо ответил Игорь.

— Тогда скажите, что вы медитируете перед трапезой. Или что у вас особый земной ритуал: сначала надо десять минут смотреть на еду, чтобы она «почувствовала уважение».

Игорь кивнул, стараясь не делать этого слишком энергично — после вчерашнего он вообще старался не двигать головой без крайней необходимости.

Первую подачу объявили торжественно, почти как государственный указ. Блюдо расы Ксилон выглядело как застывшая туманность в желе: полупрозрачное, с мерцающими прожилками, оно слегка подрагивало, будто дышало.

Старейшина Ксилон поднял свой кубок:

— Пусть эта пища соединит наши миры.

Все подняли кубки. Все, кроме Игоря, который в этот момент пытался понять, шевелится ли его порция или ему просто кажется.

Переводчик наклонился:

— Это деликатес. Он не опасен. Просто... не жуйте его. Его полагается глотать целиком, думая о вечном.

— О вечном? — прошептал Игорь. — Я сейчас думаю только о том, как бы не выронить вилку.

Он осторожно подцепил дрожащий кусочек, закрыл глаза, сделал глубокий вдох и проглотил.

На секунду всё замерло. Даже мерцание стен будто приглушилось.

А потом по телу прокатилась волна странного тепла, и перед глазами на мгновение вспыхнули образы: далёкие звёзды, древние города, чьи-то голоса, шепчущие на незнакомом языке...

Игорь потряс головой.

— Что это было?

— Считается, что в этот момент ты видишь воспоминания блюда, — спокойно пояснил переводчик. — Оно сделано из особого гриба, который впитывает историю места, где вырос.

— То есть я только что съел чьи-то воспоминания?

— Да. Но не волнуйтесь, это были воспоминания скалы. Довольно скучные.

Игорь сдержал улыбку, чтобы никого не оскорбить.

Следующее блюдо было от расы Зург — что-то хрустящее, золотистое, похожее на лепестки застывшего пламени. Игорь попробовал и едва не зажмурился от удовольствия: приятное, острое, с дымным послевкусием — настоящий праздник вкуса.

— Ммм... невероятно! — не удержался он.

И тут же понял, что сказал это слишком громко.

В зале наступила тишина. Не обычная, а такая, в которой слышно, как где-то далеко звенит одинокая звезда.

Старейшина Зург медленно опустил свои фасетчатые глаза на Игоря.

Переводчик сглотнул.

— Сэр... это блюдо называется «Пламя клятвы». Его подают только на церемониях, когда кто-то даёт священное обещание. И есть его полагается в полном молчании, как знак уважения к словам, которые ещё не произнесены.

— Я... я просто сказал, что вкусно.

— Вы сказали это с такой интонацией, что они решили, будто вы только что дали клятву верности их народу.

Игорь замер, чувствуя, как по спине пробегает холодок, а в голове крутится одна мысль: «Опять».

Но старейшина Зург вдруг наклонил голову — и в этом жесте было не осуждение, а скорее любопытство.

— Мы ценим вашу искренность, — произнёс он через транслятор. — Даже если она звучит как клятва.

Игорь выдохнул, но расслабляться не спешил.

Следующим подали блюдо расы Флок — нечто невесомое, похожее на облако, пропитанное ароматом далёких ветров. Игорь поднёс ложку ко рту и замер, заметив, как делегаты Флок синхронно задержали дыхание.

Переводчик прошептал:

— Это «Дыхание рассвета». Его едят только верховные жрецы. Это священный деликатес.

— Священный? — прошептал Игорь, уже чувствуя, как ложка предательски дрожит в руке.

— Да. И по протоколу его нельзя пробовать никому, кроме жреца.

Но было поздно. Игорь уже отправил крошечный кусочек в рот.

Тишина в зале стала абсолютной. Даже хрустальные кубки будто перестали звенеть.

Он почувствовал вкус — нежный, едва уловимый, как первый луч солнца после долгой ночи. И, не подумав, облизнул пальцы.

— Очень вкусно! — воскликнул он, искренне радуясь. — Дайте ещё!

По залу прокатился тихий, но отчётливый вздох. Кто-то из делегатов прикрыл глаза, будто пытаясь стереть увиденное. Кто-то тихо пробормотал что-то на своём языке.

Верховный жрец Флок медленно поднялся со своего места. Его полупрозрачное тело мерцало, словно внутри него горели маленькие звёзды.

Зал замер.

Жрец сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Остановился напротив Игоря и... протянул ему маленькую чашу, наполненную тем самым «Дыханием рассвета».

— Ты вкусил священное, — произнёс он голосом, похожим на шёпот ветра в пустых коридорах космоса. — Значит, ты поделился с нами тайну. Теперь ты не чужой.

Переводчик перевёл, и Игорь почувствовал, как напряжение, сковывавшее его плечи, начинает таять.

— Я не хотел нарушить ваши традиции, — тихо сказал он, глядя прямо в мерцающие глаза жреца. — Я просто хотел показать, что ценю вашу культуру.

Жрец чуть склонил голову.

— Иногда уважение проявляется не в том, чтобы ничего не трогать, а в том, чтобы попробовать и не отвергнуть.

И тогда Игорь понял: возможно, его неуклюжесть — это не проклятие, а странная форма открытости. Он не знал правил, но хотел быть честным. И, кажется, именно это сейчас имело значение.

Он взял чашу, которую протянул ему жрец, и поднял её, не как дипломат, а как человек, который хочет сказать: «Я здесь. Я не всё понимаю, но я хочу понять».

— За то, чтобы мы научились слышать друг друга, — произнёс он.

И зал, который ещё минуту назад был полон напряжения, вдруг наполнился тихими, но искренними аплодисментами.

Глава 4. «Подарок, который нельзя дарить: искусство случайно оскорбить всех сразу»

После «обеда, который чуть не стал клятвой», Игорь решил: пора заглаживать вину. Не словами — словами он уже столько наговорил, что теперь даже «добрый вечер» звучало подозрительно. Нужен был жест. Символический, тёплый, понятный без перевода.

И тут его осенило.

Плюшевый мишка.

Старый, немного потрёпанный, но с добрыми глазами и уютным видом — тот самый, которого ему в детстве подарила бабушка и который кочевал с ним по всем командировкам, словно талисман. Игорь смотрел на него и улыбался: «Ну кто может не любить плюшевых медведей? Это же чистая доброта, сшитая из ткани!»

Он бережно завернул мишку в золотистую ткань с земным орнаментом, перевязал лентой и, чувствуя себя почти героем, отправился на утренний приём Совета.

— Вы уверены, что это хорошая идея? — в который раз спросил переводчик, глядя на свёрток так, будто там была не игрушка, а бомба с таймером.

— Абсолютно, — уверенно кивнул Игорь. — Это символ тепла. Дружелюбия. Дома.

Переводчик только вздохнул и поправил воротник, будто готовясь к худшему.

Зал сегодня был оформлен в тонах «официальной торжественности»: стены переливались приглушёнными оттенками индиго, а в центре стояла платформа, где по протоколу полагось вручать дары. Делегаты заняли свои места, взгляды были внимательными, почти насто-

роженными — после вчерашних гастрономических приключений они явно ожидали от посла Земли чего угодно.

Игорь вышел вперёд, сжимая свёрток, и постарался выглядеть максимально безобидно.

— От имени Земли, — начал он, стараясь говорить спокойно и ровно, — я хочу преподнести вам символ нашего дома. Что-то, что несёт тепло и уют.

Он развязал ленту, развернул ткань — и плюшевый мишка предстал перед делегациями во всей своей мягкой красе.

В зале повисла тишина. Но не та, что бывает перед овацией, а та, что наступает, когда кто-то произнёс вслух что-то настолько неожиданное, что даже алгоритмы переводчиков зависают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.